

12+

Виктор Харебов

О ТОМ, ЧТО НЕЛЬЗЯ
ПОТЕРЯТЬ

Виктор Харебов
О том, что нельзя
потерять. Истории,
которые остаются с нами

<https://litres.ru/74172333>

ISBN 9785007068956

Аннотация

Эта книга — о вещах, которые не лежат на поверхности и не поддаются счету. О памяти, которая возвращается внезапно, о свете в окне, увиденном издалека, о словах, сказанных слишком поздно, но все же услышанных. Эти истории не учат и не убеждают — они остаются рядом. Их читают медленно, как слушают тишину, и узнают в них собственные утраты, надежды и то главное, что, однажды найденное, нельзя потерять.

Содержание

Предисловие	5
Имя, которое забыли	6
Песня, которую знала только Она	9
Он, который спрашивал «почему»	12
Слово, которое больше никто не произносит	17
Рисунок на стене	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

О том, что нельзя потерять Истории, которые остаются с нами

Виктор Харебов

© Виктор Харебов, 2026

ISBN 978-5-0070-6895-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эти истории — не совсем истории. В них нет точных адресов, дат и имен. Потому что все это уже много раз было сказано и записано.

Здесь есть только Он и Она. Не конкретные люди, а скорее любой человек, который когда-то ждал, терял, находил, вспоминал, молчал, уходил и возвращался.

Эти истории происходят не в одном городе и не в одно время. Они происходят там, где человек вдруг останавливается и понимает, что жизнь состоит не только из событий, но и из пауз между ними.

Мы часто боимся потерять вещи, людей, дома, письма, ключи, слова. Но со временем оказывается, что самое важное исчезает не тогда, когда уходит, а тогда, когда мы перестаем это помнить.

Эта книга — о вещах, которые нельзя потерять. О свете, который остается, даже когда гаснет лампа. О словах, которые живут, даже когда их больше не произносят. О домах, которые продолжают существовать, даже когда их сносят. О людях, которые остаются с нами, даже если их больше нет рядом.

И если после этой книги вам однажды покажется, что что-то исчезло окончательно — вспомните: возможно, оно просто стало невидимым.

Имя, которое забыли

Говорят, у каждого человека есть имя, которое слышно только ему самому. Не то, что пишут в документах и производят вслух, а другое — тихое, внутреннее, звучащее где-то между сердцем и памятью. Оно появляется очень рано, еще до первых слов, и живет рядом всю жизнь, пока его помнят.

В одном городе, где дома стояли так близко друг к другу, будто боялись остаться в одиночестве, жил Он, который не знал своего настоящего имени. Люди звали Его по-разному — иногда ласково, иногда рассеянно, иногда просто потому, что нужно было позвать. Но ни одно из этих имен не отзывалось в Нём теплом. Они проходили мимо, как чужие голоса за стеной.

Он рос спокойным и незаметным. Не потому, что хотел исчезнуть, а потому что не был уверен, что Его ждут. Когда к Нему обращались, Он всегда откликался чуть позже, словно прислушиваясь: это действительно Его? Иногда Ему казалось, что если Он не обернется, мир не станет настаивать.

Чаще всего Он приходил к реке. Она была неглубокой, но упрямой, текла сквозь город, не задерживаясь и не оглядываясь. Он стоял на мосту и смотрел, как вода уносит отражения домов, фонарей и лиц. Ему нравилось, что река ничего не удерживает, но при этом остается собой. Он думал: если имя можно забыть, значит, его можно потерять. А если по-

терять — можно ли жить дальше, не исчезая понемногу?

По вечерам город зажигал огни. В окнах появлялись силуэты людей — у каждого было свое место, свои шаги, свой голос. А внутри Него была пустая комната — не темная, но лишенная опоры, словно из нее вынесли что-то важное, оставив только тихое эхо.

Однажды, возвращаясь домой, Он услышал, как кто-то рядом негромко произнес Его имя. Не громко, не настойчиво — просто позвал. Он сначала даже не понял, что это обращаются к Нему. Он сделал еще шаг, потом остановился. Это имя было знакомым. Оно не ранило слух и не скользнуло мимо. Оно совпало с Ним.

Он обернулся.

На пороге дома стояла мама. В руках у неё был большой букет цветов — простых, живых, собранных не для праздника, а просто так. Она улыбалась, немного устало, но очень тепло, как улыбаются тем, кого ждали. В этот момент Он вдруг вспомнил: у Него есть дом. У Него есть мама. Его зовут — и зовут потому, что Он нужен.

Он не бросился бежать и не сказал ничего особенного. Он просто стоял и смотрел, чувствуя, как внутри что-то мягко возвращается на свое место. Пустая комната перестала быть пустой.

После этого Он стал чаще заходить в старый парк. Там, в глубине, росло дерево без имени. У других деревьев были таблички и номера, а у этого — ничего. Оно просто стояло,

слегка наклонившись, словно прислушивалось. Он сидел рядом и думал о том, что дерево живет без имени, но не бывает забытым. Птицы находят его, дождь помнит его ветви, земля держит его корни.

Постепенно Он понял: забытыми бывают не люди. Забытым бывает чувство, что тебя ждут. Когда оно уходит, кажется, что и ты исчезаешь. Но стоит ему вернуться — и все становится на свои места.

Он больше не искал своего имени в чужих голосах. Он знал: имя — это не звук. Это связь. Это когда тебя зовут, даже если ты далеко. Это дом, в котором тебя помнят. Это мама, которая стоит на пороге с букетом цветов, даже если ты сам на мгновение забыл дорогу.

Город остался прежним. Люди по-прежнему спешили, иногда не замечали друг друга, иногда проходили мимо. Но Он шел иначе. Он знал: никто никогда не бывает по-настоящему забыт. Иногда людям просто кажется, что о них не помнят.

А на самом деле у каждого есть место, где его ждут. И имя, которое всегда можно услышать, если остановиться и обернуться.

Вот почему есть вещи, которые нельзя потерять.

Песня, которую знала только Она

Эта песня не звучала вслух. У нее не было слов, и мелодию невозможно было напеть. Она жила внутри — так тихо, что о ней легко было забыть, если не прислушиваться.

Она узнала её однажды утром, когда проснулась раньше обычного. В комнате было полутемно, и мир еще не начал говорить громко. В этом коротком промежутке между сном и днем Она вдруг почувствовала, что внутри неё что-то звучит — ровно, спокойно, словно дыхание. Это не была радость и не была грусть. Скорее — уверенность, что всё находится на своем месте.

С тех пор песня появлялась иногда сама. Когда Она шла по улице и листья шуршали под ногами, когда свет падал на стену под правильным углом, когда кто-то смотрел на неё, не задавая вопросов. Она не знала, откуда эта песня взялась и почему именно Ей досталась, но чувствовала: если начать говорить о ней, она исчезнет.

Однажды Она попробовала объяснить. Она сказала подруге, что у неё есть песня, которую слышит только Она. Подруга посмотрела внимательно и улыбнулась, но ничего не ответила. Она поняла: некоторые вещи нельзя разделить словами. Не потому, что их не поймут, а потому, что они принадлежат тишине.

Иногда песня становилась тише. Это происходило в дни,

когда было много шума, спешки и чужих голосов. Она начала бояться, что однажды проснется — и внутри будет пусто. Тогда Она останавливалась, закрывала глаза и ждала. И песня возвращалась. Не сразу, но всегда.

Однажды Она заметила старую женщину, сидящую на остановке. Женщина не смотрела по сторонам, не держала телефона, просто сидела и слушала. Она вдруг почувствовала, что в этом молчании есть что-то знакомое. Она села рядом. Некоторое время они молчали вместе. И в этот момент песня внутри Неё зазвучала особенно ясно.

Она не знала, слышит ли женщина то же самое. Но когда автобус подъехал, женщина посмотрела на Неё и кивнула — так, словно они узнали друг друга без слов.

С годами Она выросла. Песня не исчезла, но изменилась. Она стала глубже, спокойнее, иногда едва заметной. Взрослый мир был громким, и не всегда находилось время прислушаться. Но в редкие моменты тишины — поздно вечером или ранним утром — песня снова звучала. И каждый раз напоминала: есть что-то, что принадлежит только тебе, но делает тебя ближе к другим.

Она никогда никому не пела эту песню. И всё же Она знала: иногда люди слышат её, даже не зная, что это песня. В улыбке, в спокойном взгляде, в умении остановиться и подождать.

Песня не стала громче. Она не стала известной. Но она осталась.

Потому что есть вещи, которые не нужно передавать, чтобы они продолжали жить. Иногда достаточно, чтобы их знал хотя бы один человек.

Он, который спрашивал «почему»

Когда Он был маленьким, слово «почему» сопровождало Его повсюду. Оно было легким, как вдох, и настойчивым, как шаги по коридору. Он спрашивал «почему» утром, когда просыпался, и вечером, когда засыпал; спрашивал о том, почему небо меняет цвет, почему люди улыбаются не всегда, почему поезд уходит, а возвращается уже другой. Взрослые сначала отвечали охотно, потом — терпеливо, потом — устало. Но Он не замечал усталости. Для Него мир был огромным письмом без подписи, и каждый вопрос — попыткой прочесть строку.

Иногда Ему отвечали честно. Иногда — уклончиво. Иногда — совсем не отвечали. Тогда Он придумывал ответы сам. В этих ответах было много воздуха и мало правил. Он верил, что вопросы — это способ заботы: если спросить, значит, не пройти мимо.

В школе «почему» стало мешать. Учительница говорила: «Так принято», «Так написано», «Так будет в контрольной». Одноклассники смеялись: «Опять Он со своими „почему“». Он пытался объяснить, что вопросы — это не сомнение в людях, а доверие к миру, который может ответить. Но слова путались. И тогда Он стал спрашивать тише.

Дом тоже менялся. В нём стало больше дел и меньше пауз. Взрослые приходили уставшими, говорили коротко, словно

каждое слово стоило дорого. На вопрос «почему» чаще звучало «потом» или «не сейчас». Он учился ждать, но ожидание растягивалось, как длинная тень, и в какой-то момент Он понял, что проще не спрашивать.

Он перестал задавать вопросы не сразу. Сначала — реже. Потом — только самые важные. Потом — и их тоже отложил. Мир стал тише. Не потому, что в нём исчезли звуки, а потому, что исчезли паузы между ними — те самые, где раньше жили ответы.

Он вырос. Он выучился правильно говорить, правильно молчать, правильно кивать. Научился выбирать слова без острых углов. Его хвалили за рассудительность. Говорили, что Он «взрослый». И Он верил, что взросление — это когда вопросы перестают быть необходимыми.

Иногда по ночам Он ловил себя на том, что смотрит в потолок и чувствует странную пустоту, похожую на неиспользованную комнату. Он не знал, что там должно быть, но знал, что когда-то там было светло. Тогда Он думал: «Наверное, так и должно быть».

Прошло время. Он устроился на работу, где ценили ответы. Быстрые, точные, без лишних слов. Он стал хорош в этом. Его уважали за умение не задавать вопросов. Он научился объяснять сложное простыми формулами, но сам не чувствовал радости от ясности. Иногда, глядя на готовые отчеты, Он ощущал легкую печаль — как от музыки, сыгранной без пауз.

Однажды Он ехал в автобусе и услышал, как ребенок за Его спиной спрашивает: «Почему дождь идет вниз, а не вверх?» Вопрос был простым и нелепым, и взрослый голос рядом ответил автоматически: «Потому что так устроено». Ребенок помолчал и спросил снова: «А почему так устроено?» Автобус дернулся, кто-то вздохнул, кто-то улыбнулся. А в Нём что-то дрогнуло.

В этот момент мир стал громче. Не шумнее — глубже. Он вдруг вспомнил, как когда-то сам задавал этот вопрос. И как ответы были не всегда важнее самого спрашивания. Он понял, что потерял не знание, а направление взгляда.

В тот вечер Он достал старую коробку с вещами, которые хранил без причины. Там были фотографии, тетрадки, билетики. На дне — маленький блокнот. Он открыл его и увидел неровные записи детским почерком. «Почему море не переливается через край?» «Почему люди уходят, если им здесь хорошо?» «Почему, если закрыть глаза, мир не исчезает?»

Он улыбнулся и почувствовал, как к горлу подступает что-то теплое и тяжелое.

Он не стал отвечать на эти вопросы. Он просто позволил им быть. И этого оказалось достаточно, чтобы в комнате стало светлее.

Через несколько дней Он встретил старого знакомого — человека, с которым когда-то долго разговаривал ночами. Они сидели в кафе, и разговор шел привычно, осторожно. И вдруг Он услышал себя: «Почему ты выбрал именно это?»

Вопрос прозвучал спокойно, без вызова. Знакомый удивился, задумался и ответил не сразу. Между ними возникла пауза — настоящая, живая. И в этой паузе было больше близости, чем в десятке правильных фраз.

С тех пор вопросы стали возвращаться. Не все сразу и не все вслух. Некоторые Он задавал себе. Некоторые — миру. Некоторые — просто оставлял без адреса. Он понял, что «почему» — это не требование ответа, а приглашение к вниманию.

Бывали дни, когда вопросы приносили печаль. Когда «почему» касалось утрат, расставаний, ошибок. В такие дни Он не торопился. Он позволял печали быть частью вопроса, а не его концом. И обнаруживал, что даже без ответа вопрос может удерживать — как поручень на лестнице.

Однажды Он снова услышал ребенка, спрашивающего «почему». На этот раз Он обернулся и сказал: «А как ты думаешь?». Ребенок задумался, глаза загорелись, и Он начал придумывать. Взрослый рядом хотел перебить, но остановился. И мир в этот момент стал не тише и не громче — Он стал внимательнее.

Он понял, что вопросы возвращают не прошлое, а дыхание. Они не делают жизнь проще, но делают её глубже. И если мир когда-то стал тише из-за молчания, то теперь Он снова наполнялся — не ответами, а смыслом ожидания.

Он не стал маленьким снова. Он остался взрослым, с ответственностями и привычками. Но в Нём нашлось место

для «почему» — тихого, уважительного, терпеливого.

И этого оказалось достаточно, чтобы однажды, глядя на дождь, Он улыбнулся и подумал: «Почему бы и нет?»

Слово, которое больше никто не произносит

Иногда слова исчезают не потому, что их запрещают или забывают, а потому что перестают говорить вслух. Они становятся слишком хрупкими, слишком настоящими. Их начинают беречь — или бояться. И тогда слова уходят глубже, оставаясь жить там, где их слышно только сердцем.

В одном городе жила Она, которая знала такое слово. Она услышала его еще совсем маленькой — не в разговоре и не в книге, а в интонации. В том, как его однажды произнесли вечером, между паузой и вздохом. Тогда это слово было живым. Оно не требовало ответа и не ожидало подтверждений. Оно просто было — и от него в комнате становилось теплее.

Со временем Она заметила, что этого слова больше никто не произносит. Его заменяли другими — похожими, акkuratными, безопасными. Они звучали правильно, но не задерживались внутри. А то слово исчезло из разговоров, будто его убрали, чтобы не задеть, не смутить, не сделать больно.

Она помнила его. Она знала, как оно звучит, но не решалась произнести. Не потому, что не умела, а потому что боялась — вдруг оно покажется слишком громким в мире, где говорят вполголоса. Вдруг оно окажется неуместным, как

свет, зажженный без спроса.

Слово жило в Ней тихо. Иногда оно всплывало само — в моменты, когда кто-то задерживал взгляд, когда ладонь случайно касалась ладони, когда становилось ясно: ты не один. Тогда Она чувствовала, что слово все еще дышит.

Чтобы не забыть его совсем, Она начала записывать его — не буквами, а ощущением. В линиях, в паузах между строчками, в рисунках, которые никто не видел. Это было не признание и не тайна. Это было сохранение.

Однажды, в дождливый день, Она стояла на остановке рядом с пожилым человеком. Они молчали, слушая, как дождь медленно стирает городские звуки. Автобус задерживался, и тишина становилась все плотнее. И вдруг старик негромко произнес это слово. Не обращаясь ни к кому. Не для ответа. Будто проверяя, живо ли оно еще.

Это было слово «люблю».

Он сказал его тихо, почти шепотом, как говорят что-то важное, не желая нарушить равновесие. И Она поняла: слово никуда не исчезло. Оно просто ждало тех, кто осмелится сказать его без требований и условий.

Она посмотрела на старика, и он улыбнулся — не Ей, а этому слову, словно старому знакомому. Тогда Она тоже произнесла его. Очень тихо. Не признаваясь и не объясняя. Просто возвращая ему голос.

В этот момент стало ясно: слова не умирают, когда их перестают говорить. Они умирают, когда в них перестают ве-

ритель. А если хотя бы один человек произнесет их вовремя — они снова становятся живыми.

С тех пор Она больше не боялась. Она знала: даже если кажется, что слово больше никто не произносит, оно все равно существует. В паузах. Во взглядах. В молчаливом присутствии рядом. Нужно лишь решиться сказать его — хотя бы один раз.

Потому что есть слова, которые нельзя потерять. Даже если кажется, что их давно не слышно.

Рисунок на стене

Рисунок появился на стене в тот год, когда лето казалось бесконечным. Стена была светлой, почти белой, с едва заметной шероховатостью, и на ней хорошо держался карандаш. Он рисовал долго и сосредоточенно, стоя на цыпочках, иногда отходя на шаг, чтобы посмотреть, получилось ли так, как Ему хотелось. Это был дом с большим окном, солнце в углу и странное существо между ними — не то человек, не то дерево, с руками-ветвями и глазами, похожими на точки в конце предложений.

Взрослые сначала смеялись. Потом делали вид, что не замечают. Рисунок не мешал, не портил вид, не требовал немедленных решений. Он был частью дома — как скрип двери или тень от занавески. Вечером, когда свет падал косо, линии становились мягче, и казалось, что существо на стене смотрит не на людей, а сквозь них — туда, где они сами редко бывали.

Прошло время. Он вырос. Дом стал тесным. В нём накопилось слишком много вещей и слишком мало тишины. Решили делать ремонт. Стены выравнивали, зашпаклевали трещины, выбрали цвет — спокойный, нейтральный, такой, чтобы «подходил ко всему». Когда очередь дошла до той самой стены, кто-то сказал: «Жалко, конечно». Кто-то ответил: «Ну что поделаешь». И валик, набрав краску, прошелся по

рисунку — раз, другой, третий.

Рисунок исчез. По крайней мере, так казалось.

Стена стала аккуратной, гладкой, новой. В доме стало светлее и правильнее. Гости хвалили. Хозяева чувствовали удовлетворение — короткое и неглубокое, как вдох перед тем, как что-то забыть. Только иногда, проходя мимо, кто-то останавливался, будто что-то мешало взгляду. Не пятно, не тень — ощущение.

Он, уже взрослый, приехал спустя годы. Он ходил по дому, в котором многое изменилось и многое осталось тем же. Он не искал рисунок специально. Он просто шел — и вдруг остановился у стены. Положил ладонь на гладкую поверхность и почувствовал странное тепло. Не физическое — внутреннее. Как будто под слоем краски что-то дышало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.